

Фу Сыхэн корпел над рапортом до трёх ночи. Чтобы командование одобрило план, пришлось переписывать и выверять формулировки снова и снова.

В седьмом часу утра горизонт вспыхнул алой зарёй. Восходящее светило медленно поднималось над крышами, заглядывая в окно.

С плаца донеслись ритмичные речёвки утреннего построения.

Налив себе кофе, Сыхэн встал у окна, делая медленные глотки.

Коммуникатор пискнул — звонил Фу Шоумин.

Отдав армии не одно десятилетие, маршал привык подниматься на рассвете, так что утренняя пробежка давно стала для него ритуалом.

— Слушаю, папа, — ответил Сыхэн, приняв вызов.

— Рано поднялся. Сегодня занятия? — раздался в наушнике чуть сбитый ритм дыхания отца.

— Занятий нет. Нужно подать рапорт руководству, — ответил Сыхэн.

— Угу, — отозвался Фу Шоумин. — Как ты там? Привык?

— Вполне.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина.

— На следующий месяц возьми отпуск и приедь домой. Твоя мать скоро возвращается.

Пальцы Сыхэна, сжимавшие чашку, заметно напряглись.

— Хорошо.

В динамике раздался тихий тяжелый вздох.

— Не расстраивайся, — мягче добавил отец. — Мы отправили её в санаторий на планете Хайм только ради её же здоровья.

Мать Сыхэна, Чэнь Мань, давно страдала от тяжёлого расстройства психики, и её состояние

оставалось крайне нестабильным. Фу Шоумин полагал, что ей просто тяжело далась адаптация после переезда в Хуану. Когда лечение в лучших клиниках Империи не принесло результатов, её решили вернуть на родную планету.

В своё время Чэнь Мань считалась первой красавицей Хайма, и безупречная внешность Сыхэна объяснялась именно этим межзвёздным смешением кровей.

Хайм славился красавицами, Хэла — героями. Союз его родителей когда-то гремел на весь союз как сказочная идиллия. Но лишь они трое знали, как далека была эта «сказка» от идеала.

Завершив разговор, Сыхэн погрузился в воспоминания.

Чтобы не нарушать ход терапии, врачи Санатория Хайм ограничивали связь Чэнь Мань с внешним миром: ей разрешалось делать лишь один короткий звонок в месяц, чтобы сообщить, что всё в порядке. Из последних разговоров Сыхэн понял, что матери действительно становится лучше и она даже завела там хороших друзей.

Он допил кофе одним глотком. На душе было паршиво.

Быстро приняв душ, Сыхэн распечатал рапорт вместе с приложением и, уложив бумаги в папку, отправился к Цюй Мэнда.

На этот раз он запланировал для третьей группы месяц особых учебно-тренировочных сборов и просил у руководства разрешения провести их в Северо-западном кампусе.

Этот кампус располагался в горном районе Хуаны — среди неприступных пиков и бурных рек. Именно там находился знаменитый «дьявольский лагерь интенсивной подготовки» Дицзюньда.

Три года назад один из курсантов, не выдержав нагрузок, попытался сбежать, спрыгнул с крыши и скончался от полученных травм. После того случая военное ведомство консервативно закрыло полигон.

Пробежав глазами рапорт, Цюй Мэнда заметно нахмурился:

— «Личное участие инструктора во всех этапах подготовки»... Что это значит?

— В буквальном смысле, — спокойно отчеканил Сыхэн. — Что делают они, то делаю и я.

Декан задумался на пару мгновений.

— Чтобы распечатать заброшенный лагерь, требуется личная подпись ректора. С чего ты взял,

что он поверит в твои гарантии безопасности?

Цюй Мэнда вовсе не пытался зарубить инициативу — напротив, идея Сыхэна казалась ему отличной. Выездные сборы в Дицзюньда были обычным делом, только в пределах Хуаны имелось пять действующих тренировочных баз. И желание инструктора вывезти курсантов на природу никого бы не удивило.

Вот только этот рапорт, уйди он наверх, с вероятностью в пятьдесят процентов завернули бы обратно. Именно из-за Северо-западного сектора.

И из-за главного вопроса — безопасности.

При этом декан прекрасно понимал, почему Сыхэн выбрал именно то место: потенциал человека раскрывается до предела лишь в самых суровых, приближенных к реальности условиях.

— Лучший способ обеспечить безопасность — это поддержать дисциплину и моральный дух, — отрезал Сыхэн. — Вы когда-нибудь слышали о дезертирах из морской пехоты?

Цюй Мэнда несколько секунд пристально смотрел на него, а затем понимающе улыбнулся и поднялся из-за стола, похлопав офицера по плечу:

— Пойдёшь со мной к ректору и повторишь ему эти слова слово в слово. В твоих методах работы с личным составом я не сомневаюсь.

Вопреки опасениям, дело уладилось неожиданно быстро — Ци Кунь подписал бумаги почти сразу.

Дело было не только в безупречном плане безопасности, подготовленном Сыхэном. На самом деле ректор и сам давно заглядывался на земли закрытого лагеря. Раньше Министерство обороны выделяло на его содержание внушительные суммы, но после консервации финансирование урезали. Если вернуть базу в эксплуатацию, университет сможет претендовать на возобновление субсидий и запустить ряд новых программ.

А поскольку успеваемость третьей группы оставляла желать лучшего, они идеально подходили на роль первопроходцев. Если эксперимент даст результаты, в следующем году выбить бюджет под этот проект не составит труда.

Получив разрешение, Сыхэн тут же погрузился в организационную рутину.

Оформление заявок на финансирование, оповещение актива группы, закупка снаряжения, согласование площадок... Раньше подобную работу всегда выполняли его подчинённые, и самому Сыхэну редко приходилось вникать в мелочи. Стоило признать: отправка в Дицзюньда,

организованная отцом, действительно давала ему новый опыт.

Новость о том, что третью группу отправляют на сборы в Северо-западный кампус, мгновенно просочилась из учебного чата в главный разговорный канал университета — «Ночной клуб Дицзюньда».

[С дороги, я лечу]: Че-е-е?! Третью группу просто так отпустили на пикник?!

[Ли Сяо (на посту)]: Какой к черту пикник, ау, они в «дьявольский лагерь» едут!

[Сын моря]: М-да, как только инструктору Фу это удалось? Говорили же, что дикие вылазки под строжайшим запретом.

[Опухоль Дицзюня]: Ха, когда у тебя такие связи на самом верху, и не такое разрешат.

[Сяо Хай (байер подавителей, в лс)]: Фу-у, откуда так пахло гнильцой? Чей это завистливый выпад?

[Без лишнего трепя]: Наверное, у кого-то из альф просто подгорело от бессильной ярости.

[Старшеклассник Янь красавчик]: Хе-хе, а если честно, я бы тоже махнул на сборы! Инструктор Фу, возьмите меня с собой, а-а-а!

[Линь-Линь — это не Юэ-Юэ]:... Остынь. Там адская пахота. Говорят, гоняют по десятку километров утром и вечером без передышки. А в горах ещё и куча всякой дряни — змеи, насекомые...

[Сяо Хай (байер подавителей, в лс)]: Всё-всё, хватит, нагнал жути! Я лучше в кампусе отсижусь.

[Юэ-цзы (Альфа с вкусом лимонной газировки)]: И правильно. Пару лет назад один парень там как раз не выдержал — попытался сбежать и отбросил коньки.

В чате наперебой обсуждали новость, и многие сходились во мнении, что решение Сыхэна выглядит слишком рискованным.

Сам Сыхэн прокрутился весь день и даже не успел заглянуть в сеть.

Лишь поздно вечером он увидел сообщение от Янь Сюня.

Всего одна короткая строчка:

«Ты уезжаешь?»

Отправлено в два часа дня. А чуть выше висели две отметки об удалённых сообщениях — одно было отозвано в десять утра, другое — в половину двенадцатого.

Больше никаких записей не было. Похоже, парень всерьёз обиделся.

Сыхэн задерживал ответ не из желания проигнорировать.

«Днём не было времени посмотреть», — набрал он. — «Уезжаем на сборы в Северо-западный кампус. Примерно на месяц.»

На той стороне тут же загорелся статус: «Печатает...». Сыхэн, вопреки своей привычке не терять время, не стал закрывать диалог и остался ждать.

Прошло около пяти минут, прежде чем Янь Сюнь наконец прислал ответ:

«Значит, я узнаю об этом самым последним?»

Глядя на экран, Сыхэн промолчал.

В последнее время поведение Янь Сюня становилось всё более непредсказуемым. Вроде бы ничего недопустимого он себе не позволял, но в каждой его фразе проскальзывал едва уловимый, двусмысленный подтекст, переходивший рамки обычных отношений курсанта и наставника.

Сыхэн просто не знал, что на это ответить.

Спустя минуту пришло новое сообщение:

«Ладно, проехали. Когда выезжаете?»

«Послезавтра.»

«Так быстро.»

«Инструктор Фу, а вы не слишком жестоко со мной поступаете?»

Сыхэн снова замер.

Он набирал текст, тут же стирал его — любые слова казались нерассудительными и неловкими.

Наконец Янь Сюнь написал:

□Ясно. Всё понял.□

«Да что ты мог понять...» — подумал Сыхэн, чувствуя, как от этих нескольких слов ещё сильнее заныло в висках.

Он тяжело вздохнул и отложил коммуникатор.

Ладно. Пусть лучше остынет и выбросит всё из головы. Им изначально не следовало сближаться.

Даже если оставить в стороне то, что они оба, скорее всего, альфы, Сыхэн оставался преподавателем, а Янь Сюнь — курсантом. Между ними не могло быть ничего.

Он убеждал себя в правильности этих мыслей, но на душе было так же душно и тяжело, как за окном.

«Наверное, скоро пойдёт дождь», — мельком подумал он. Это гнетущее чувство неизменно накатывало перед грозой.

Второй день прошёл без вестей. Янь Сюнь ничего не писал и даже не явился на утренний развод.

Небо с самого утра давило тяжёлой, свинецсодержащей мглой. Тучи висели так низко, словно вот-вот готовы были обрушиться на землю, но капли так и не выпадали.

Наступило утро отъезда. Тридцать курсантов третьей группы во главе с инструктором, подхватив снаряжение, шумной колонной выстроились у главных ворот в ожидании транспорта.

В Северо-западный кампус не ходили маглевы, так что добираться приходилось обычным армейским автобусом.

Сыхэн помогал студентам загружать вещи в багажное отделение. В этот момент небо наконец прорвало: на асфальт со звонким гулом обрушились первые тяжелые капли, мгновенно перешедшие в плотную стену ливня.

Всё-таки пошёл.

Часовой на КПП с любопытством и нескрываемой завистью наблюдал за их приготовлениями.

Сыхэн бросил последний взгляд на массивные ворота академии, сам не понимая, кого надеется там увидеть.

— Инструктор, пора садиться, готовы к отбытию! — окликнул его из салона староста группы.

Сыхэн поднялся в автобус. Курсанты уже заняли задние ряды, оставив первый ряд для него и старосты.

Опустившись на сиденье, он бросил водителю:

— Трогаем.

Двери начали медленно сводиться. За окном нарастала гулкая стена дождя.

Но прямо перед тем, как машина тронулась с места, по створкам снаружи резко и звонко ударила ладонь.

— Погоди, открой!

Знакомый, слегка глуховатый из-за шума воды голос заставил Сыхэна вздрогнуть и повернуться к выходу.

Створки вновь распахнулись, и в салон в один шаг взлетел Янь Сюнь, на ходу вполголоса ругаясь:

— Чёрт, надо же было этому ливню лунуть именно сейчас!

На нём была чёрная полевая форма, влажная от дождя и потемневшая на плечах, на голове косо сидела кепка, а за спиной висел увесистый тактический рюкзак. Смахнув с лица воду, он открыто улыбнулся собравшимся и махнул рукой:

— Всем привет. Извините за задержку, едва успел!